

что привлекает ботаников, зоологов, археологов, фотографов, краеведов, спелеологов и просто любителей путешествий.

¹ Барановский А. Несколько слов о так называемой пещере «Дружба» в Нижне-Сергинской даче // Записки УОЛЕ. — Екатеринбург, 1874. Т. 1, ч. 2. С. 169.

² Чупин Н. К. Заметки по поводу предыдущей статьи // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1874. Т. 1, ч. 2. С. 174–175.

³ Там же. С. 174.

Л. М. МИТРОФАНОВА

Д. Н. Мамин-Сибиряк и Н. К. Чупин: типы времени и интеллекта

Посмотрите, сколько на Руси толпится
совершенно не нужных людей,
и притом это не какие-нибудь обсевки,
а самые способные и талантливые...
Это наше специально-русское явление»
Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник¹.

Почти сорок лет назад уральский историк и краевед Д. Владимирский поднял вопрос «об отношениях двух выдающихся деятелей культуры — писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка и ученого краеведа Н. К. Чупина»². Однако и по сей день этот вопрос не потерял своей актуальности. Он также связан с более общим вопросом о взаимоотношениях Мамина-Сибиряка и УОЛЕ, а в конечном итоге — с комплексной проблемой «Д. Н. Мамин-Сибиряк и отечественная наука».

Д. Н. Мамин-Сибиряк — младший современник Н. К. Чупина, и в этом смысле драматургия их отношений (естественно, в первую очередь речь идет о восприятии «младшим» — «старшего») осложняется вечной проблемой «отцов» и «детей». Н. К. Чупин ушел из жизни за год до появления первого романа Мамина-Сибиряка — «Приваловские миллионы», принесшего автору всепоглощающее чувство творческой радости и настоящий литературный успех. Последние годы жизни Н. К. Чупина, отягченные тяжелой болезнью, окончательно упрочили за ним славу «анекдотического анахорета» (определение Д. Владимирского), ушедшего от жизни и погрозившего в своем архиве. К сожалению, ни у Мамина-Сибиряка, ни у Чупина не сохранилось в архивах никаких указаний на творческое воздействие

ученого на «певца Урала». Единственное живое свидетельство подобного воздействия — воспоминания екатеринбургского врача и известного деятеля УОЛЕ В. А. Ляпустина³. По мнению последнего, истоки творческого и исследовательского интереса Мамина-Сибиряка к относительно недавнему прошлому Урала — фигуре В. А. Глинка и его эпохе — содержатся именно в содержательных рассказах Н. К. Чупина, знакомство и непосредственное общение с которыми у начинающего писателя состоялось в 1881 г. — за год до смерти известного историка. На эти воспоминания (вслед за Е. А. Боголюбовым) ссылаются все издатели и комментаторы повестей «Верный раб» и «Доброе старое время», запечатлевших фигуру «Бога и Царя» горного Урала — в частности, в образе генерала Голубко. Спустя полвека В. А. Ляпустин попытался передать «более или менее верно» «содержание, характер и стиль рассказа» Н. К. Чупина: «Грозный генерал Глинка был высокий, прямой, как палка, старик, с густыми, зловеще нависшими бровями, военной выправки, фронтовик, лицо бритое, голова и усы седые. Говорили, что в молодости он был адъютантом самого Аракчеева и служил в военных поселениях. На Урал он был назначен после беспримерного в летописях процесса уральских магнатов Зотова и Харитонова <...> Урал в то время представлял область на военном положении, а главный горный начальник, как генерал-губернатор, в своем лице сосредоточивал всю власть как административную, так и судебную»⁴. Любопытно сравнить рассказ мемуариста с художественным (созданным в натуралистической манере) портретом генерала — например, в повести «Доброе старое время»: «Это был настоящий николаевский генерал, высокий плотный, стриженный под гребенку и туго затянутый в военный мундир с узкими рукавами, раструбом закрывавшими верхнюю часть кисти руки. Седые бакенбарды от самого уха шли полукругом к щетинистым усам. Широкое красное лицо с большим носом глядело грозно. Одна генеральская нога была контужена еще под Браиловым в турецкую кампанию 1827 года, и старик ходил с коротким костылем, который служил в то же время и орудием домашних мер исправления»⁵. Очевидна контаминация (вероятно, неизбежная) собственно воспоминаний полувековой давности В. А. Ляпустина о рассказе Н. К. Чупина и фрагментов художественных повествований Д. Н. Мамина-Сибиряка. Все это в конечном итоге способствовало последующему мифотворчеству относительно данного историко-культурного сюжета. Однако интересен и портрет самого «апекдотического анахорета» в цитируемых воспоминаниях В. А. Ляпустина —

таким, предположительно, увидел Н. К. Чупина и «начинающий писатель» Д. Н. Мамин: «<...> он был уже не молод, почти совершенно седой, волосы на голове зачесаны с боковым пробором, борода небольшая, квадратная, лицо желтое, сам худой, истощенный»⁶. Вместе с тем в облике ученого мемуарист особенно выделяет «такие хорошие глаза», один взгляд которых даровал собеседнику ощущение «близкого, родного человека»⁷.

Возвращаясь к Д. Н. Мамину-Сибиряку, подчеркнем, что именно летом 1881 г. состоялись две знаменательные в его биографии встречи. С Н. К. Чупиным — знатоком истории Урала и директором горного училища, имевшим свободный доступ к архивам Горного управления, а также с Онисимом Егоровичем Клером — организатором УОЛЕ, этнографом, статистиком, ботаником и археологом.

Однако архив Мамина-Сибиряка противоречит описанной выше В. А. Ляпустиным гармонии отношений «начинающего писателя» и «известного историка» — точнее, гармоническому восприятию первым последнего. Прежде всего, речь идет о шестом письме из цикла писем «С Урала», написанном в 1884 г., то есть два года спустя после смерти Н. К. Чупина, когда временная дистанция, пусть и небольшая, позволяла подвести некоторые итоги. На отсутствие публикации этого письма еще в 1969 г. указывал Д. Владимирский, однако ни одно из изданий Мамина-Сибиряка за прошедшие десятилетия так и не опубликовало названный источник. Определяющим, однако, становится тот факт, что к его обнаружению в первую очередь не стремился сам автор — вероятно, в силу особой полемичности и неоднозначности собственных суждений. Основная тема письма — *гибель талантов в российской провинции*, «бесполезность творческого горения» в среде Колупаевых и Разуваевых. Мамин использует ставший его стилевым брендом эпитет «живой» применительно к предмету собственных размышлений: «*живой провинциальный талант*». В отличие от прочих определений подобного рода (например, «живая уральская действительность», «живой узел») определение «живой провинциальный талант» воспринимается самим автором как своего рода оксюморон: «<...> это как-то даже смешно для нашего уха»⁸. Мамин прибегает к яркому, типично уральскому сравнению человеческих талантов с крупинками золотого песка, которые, в силу своего удельного веса, садятся на самое дно при промывке. Такого рода «дном» для талантов с большим удельным весом становится столица — «в силу естественного и неотразимого тяготения талантов к центру». Подобное суждение самому

автору представляется аксиомой, то есть общеизвестным и общепринятым мнением. Однако в качестве довольно веской характеристики «провинциальной захолустной жизни» Мамин предлагает «позволить себе представить» «несколько исключений» — такого рода исключением и становится в ходе последующих рассуждений фигура Н. К. Чупина. Очевидно, что подобная постановка проблемы «живого провинциального таланта» аргументирует исключает возможность его существования — вот здесь и кроется причина *иронического* в целом *стиля* этих рассуждений: «Талантливый и бескорыстный труженик, с громадной эрудицией и характером аскета, Чупин мог быть видным ученым деятелем в своей сфере, но он похоронил себя заживо именно в Екатеринбурге, среди своих архивных дел и целого вороха заметок и черновиков». «*Похоронить себя заживо*» — вот формула того интеллектуального коллапса, в котором, по мнению Мамина, и пребывал всю свою жизнь известный уральский ученый. Подчеркнем, что подобного рода формулы распространяются автором исключительно на провинциальные *таланты*. В числе последних у Мамина-Сибиряка, например, театральные актеры. Так, жизненной основой повестей «Доброе старое время» и «Поправка доктора Осокина» стала драматическая судьба талантливой провинциальной актрисы, примы екатеринбургского театра и его «бабушки» Е. А. Ивановой. Еще одна разновидность провинциального трагического таланта — общественные деятели. Жизненным материалом для основной сюжетной линии романа «Именинник» становится опять-таки драматическая судьба ученого и общественного деятеля Перми Д. Д. Смышляева. Таким образом, удел провинции, по Мамину, *массовидность*, неизбежное стирание индивидуальных, личностных черт и особенностей. Однако это не просто удел, но и основа бытия в российской глубинке. Вот почему наиболее характерные для Урала массовые коллективные явления и события — например, спешку (сплав по реке Чусовой), Ирбитскую ярмарку, «помочь» всем миром во время страды местному попу и, естественно, заводской труд — Мамин-Сибиряк изображает как *апофеозу жизни*, сравнивая их с «половодьем», «битвой» и «праздником».

Вероятно, подобное решение антитезы *столица/провинция* корнями уходит в жизненную фабулу самого писателя. Так называемый период первого вхождения Мамина в литературу, совпавший с голодной студенческой юностью, как известно, закончился для него практически ничем: недоучившийся студент, несостоявшийся пока писатель... Итог первых пяти лет пребывания Мамина в Петербурге легко уместается в

знаменитое «Ужо тебе!» пушкинского «бедного Евгения» или популярную в те годы в народной среде частушечную формулу:

То ли я не молодец,
То ли я не Фомка,
Как из Питера бежал —
Прыгала котомка⁹.

Об особой категории таланта — *литературном таланте* — и в целом о писательском избранничестве десять лет спустя после создания шестого письма, и что особенно знаменательно — вновь в Петербурге, Мамин будет размышлять в автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко»: «<...> если подумать, что в России сто миллионов населения, что интеллигенции наберется около миллиона, что из этого миллиона в течение десяти лет выдвинется всего одно или, много, два литературных дарования, — нет, эта комбинация приводила меня в отчаяние, потому что приходилось самого себя считать избранником, солью земли, тем счастливым номером, на который падает выигрыш в двести тысяч»¹⁰.

Однако проблема, как видно из дальнейшего содержания шестого письма Мамина-Сибиряка, содержится не только в естественном для каждого таланта личном тяготении к столичному берегу (или, используя авторское сравнение, «дну»). Суть в том, что *по-настоящему талантливым* человек непременно там окажется. Очевидно, что Н. К. Чупина писатель к таковым не относит: «Специалисты ставят Чупина, как местного исследователя, очень высоко, потому что им приходится постоянно обращаться к его статьям за всеми сведениями по части уральской истории, но *обыкновенный смертный едва ли без скуки прочтет его две три статьи*. <...> Чувствуется, что *живая* человеческая мысль была не в состоянии прилепиться к *чему-нибудь живому*, что делает каждого человека *сыном известной эпохи, причастным к ее тревогам, интересам и злобам*. От чупинской работы вообще *пахнет погребом*». Итак, мы добрались до самого существа позиции Д. Н. Мамина-Сибиряка в отношении Н. К. Чупина. Но в этом нет, однако, ничего удивительного. При всей полемичности и даже саркастичности подобных суждений в них выражено типичное для писателя отношение к так называемой академической науке, точнее, целому ряду ее негативных сторон: схоластике, рутине, пустословию, отсутствию живой мысли и т. п. Подобное отношение столь естественно для живого и самобытного мышления Мамина-Сибиряка — по-сократовски ироничного и склонного к парадоксам.

Своими корнями подобный тип мышления уходит опять-таки в петербургскую юность писателя. Колоссальное количество времени вынужденный зарабатывать «волчий хлеб» студент Д. Мамин провел не в лекционных аудиториях, а на многочисленных в столичном Петербурге заседаниях разных ученых сообществ в качестве газетного репортера — таковы, собственно, «университеты» будущего уральского писателя. Яркое свидетельство тому — все тот же автобиографический роман «Черты из жизни Пепко»: «Мое репортерство открывало мне *изнанку* этой русской науки и тех *лиллипутов*, которые *присосались* к ней с незапамятных времен. По своим обязанностям репортера я попал на самые боевые пункты этой *ученой трагикомедии* и был *au courant* русской доброй науки»¹¹ (*курсив мой.* — Л. М.).

Как известно, формально Мамин-Сибиряк так и остался «неокончившим студентом». Желание поправить здоровье в «родных палестинах», а затем вернуться в столицу терпит фиаско по причине скоропостижной трагической смерти отца и, как следствие, необходимости остаться на Урале в роли единственного кормильца. Предпринятая в 1881 г. в одну из московских поездок попытка вновь стать студентом была опять-таки обречена на фатальную неудачу.

Яркая иллюстрация к сказанному выше о неприятии писателем «русской доброй науки» и его особом складе мышления — само бытие и бытность Д. Н. Мамина-Сибиряка и его первой спутницы по жизни, М. Я. Алексеевой, в Екатеринбурге в 1880-е гг. В доме на Колобовской (ныне это улица Толмачева, а в самом доме находится музей «Литературная жизнь Урала второй половины XIX века») Мамин вместе с друзьями образовал своеобразную «шуточную товарищескую группу». Свидетельство тому — многочисленные воспоминания современников, но наиболее характерное в контексте темы нашей статьи принадлежит племяннику писателя, Б. Д. Удинцеву: «Почти от всех участников маминского кружка я слышал рассказы об организации некоего “театра для себя”, названного ими “*обществом взаимных льстецов*”. “Общество” устраивало *шутливые* заседания, вело потешно написанные протоколы, ставило *ядовитые* инсценировки на темы “текущего момента”»¹² (*курсив мой.* — Л. М.). «Льстецы» на своих собраниях блестяще пародировали натянутую и скучную обстановку официальных заседаний, где ученые и неученые льстецы «подсиживали» друг друга и в то же время заискивали перед сколько-нибудь сильными людьми, гоняясь за учеными степенями и титулами. Подобного рода иронический модус

человка и мира найдет свое непосредственное выражение и в индивидуальной стилевой манере писателя.

Интересно, что не в иронической, а именно саркастической манере в письме к сестре Е. Н. Маминой-Удинцевой Мамин-Сибиряк изображает ни что иное, как заседание «Общества любителей российской словесности», действительным членом которого незадолго перед тем был избран уральский писатель. Вот картина так называемого «гоголевского» заседания «Общества», на которое собрался «весь свет столицы» — пред нами ярчайший образец натуралистической манеры писателя: «Профессора читали плохо, то есть *свои профессорские глупости* читали. Можно было сказать гораздо умнее <...> Публики было видимо-невидимо: профессора, артисты, предержавшие власти, *скубент* и “*дамы, дамы без конца*”, московские дамы, *жирные «до неистовства»*, бойкие, нахальные и, говоря между нами, *глупые в достаточной мере*. Тут же мелькали *тощие* фигурки курсисток — точно монашенки. Особенно одна — такая *худенькая, зеленая, сгорбленная*... Много таких, и у меня каждый раз сердце болит за этих девушек, «взыскующих града» среди *откормленных, жирных и счастливых своей глупостью свиней*. Да, много было поучительного, голубчик, горько-поучительного — и эта *мертвая университетская наука*, и это *жирное свинство, и эта честная святая бедность*»¹³ (курсив мой. — Л.М.). К писательской горечи остается лишь добавить, что на этом заседании «Общества любителей российской словесности», состоявшемся 19 апреля 1886 г., с докладами о Гоголе выступали корифеи российской науки того времени — профессора А. Н. Веселовский, Н. И. Стороженко, Н. С. Тихонравов.

Очевидно, однако, что писателю антипатична не академическая наука как таковая и разного рода ученые и неученые заседания, а все то, что персонифицирует фальшь, неправду и искусственность жизни — одним словом, противоречит идее «живой жизни». Достаточно вспомнить в связи с этим живой и постоянный интерес Мамина к так называемому человеку из народа — яркому олицетворению этой идеи, неувядающую любовь писателя к природе и жизни на ее лоне (страсть к охоте, разнообразным и отнюдь небезопасным поездкам, ночным беседам у костра и т. п.). В подобном ракурсе антитеза Мамин/Чупин обретает онтологическую глубину и мощь.

Вообще, формула «живая жизнь» в отечественной литературе стала визитной карточкой другого писателя и публициста, младшего современника Мамина-Сибиряка В. Вересаева. Именно так называется его критическое исследование о Достоевском и Толстом — философско-этический

анализ их творчества¹⁴. Вересаев говорит о Достоевском как писателе, который не может ответить на вопрос о «живой жизни», так как не видит ее светлых сторон и выступает в защиту страдания, а не его преодоления. Творчеству Достоевского Вересаев противопоставляет творчество Толстого — художника, славящего жизнь во всем ее многообразии. Очевидно, что при всем конкретном различии смыслового наполнения понятия «живая жизнь» у Мамина-Сибиряка и Вересаева, онтологическая суть его едина и находится в русле философских течений общей для них эпохи — в частности, философии жизни Анри Бергсона. Жизнь трактуется последним как единый, целостный «жизненный порыв», в котором слиты воедино объект и субъект, дух и материя, интеллект и интуиция¹⁵. Разделение этих категорий является результатом распада жизненного процесса. Таким образом, интеллект в «чистом виде» предстает у Бергсона атрибутом «мертвого мира», мира материальных вещей и практических интересов. Однако можно вспомнить в связи с подобного рода суждениями философа и слова самого уральского писателя, ставшие его жизненным и творческим кредо: «<...> жить не своей одной жизнью, а тысячью других жизней, любить, плакать и смеяться»¹⁶.

Очевидно, что частные суждения о взаимоотношениях писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка и ученого Н. К. Чупина неизбежно выводят нас к общефилософским размышлениям о двух типах познания действительности — художественном и научном. Однако интересно, что непосредственно к фигуре самого Н. К. Чупина Мамин обратится еще не раз: в романе «Именинник» и цикле очерков «Излюбленные люди». О последнем уже написана интересная и, на мой взгляд, исчерпывающая статья В. И. Рябухиной¹⁷.

Художественную концепцию романа «Именинник» определил сам писатель в письме к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву: «<...> содержание — трагические провинциальные люди, которым некуда девать свои силы»¹⁸ (курсив мой. — Л. М.). Очевидно единство тематики романа и шестого письма из цикла писем «С Урала». Не углубляясь в содержание и художественные особенности романа, скажем, что историк Н. К. Чупин, а вместе с ним лингвист-переводчик и одновременно математик А. И. Кронберг послужили здесь прототипами эскизно нарисованных друзей Сажина–Смышляева периода его заката — Королькова и Окунева. «Трагические русские люди», «никому ненужные люди», «поврежденные»,

«оглашенные», «совсем особенные люди-с», «анахореты» — устами разных героев романа Мамин-Сибиряк передает драматическую суть бытия этих российских «именинников».

Обобщая, скажем, что «жерло времени», трагический образ которого создал когда-то поэт-просветитель Г. Р. Державин, пощадило и «певца Урала» Д. Н. Мамина-Сибиряка, и его ученого Н. К. Чупина: в конечном итоге оба стали своего рода гениями места.

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник. Пермь, 1989. С. 236.

² Владимирский Д. История «шестого письма» : (об отношении писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка и ученого-краеведа Н. К. Чупина) // На смену! 1969. 29 апр. С. 3.

³ См.: Ляпустин В. А. Встречи, которые забыть нельзя / Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 79–89.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Мамин-Сибиряк Д. Н. Доброе старое время // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 560.

⁶ Указ. соч. С. 80.

⁷ Там же.

⁸ Владимирский Д. Указ. соч.

⁹ Цит. по: Синдаловский Н. А. Петербург в фольклоре. СПб., 1999. С. 50.

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Черты из жизни Пепко / Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1955. С. 189–190.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Удинцев Б. Д. Семейные воспоминания // Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 107.

¹³ Цит. по: Боголюбов Е. А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 4. Свердловск, 1949. С. 364–365.

¹⁴ См. об этом: Живая жизнь Вересаева. URL: <http://littera.ru/2007/01/19/96/>

¹⁵ См.: Бергсон Анри // Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексева. М., 1998. С. 26.

¹⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Черты из жизни Пепко. С. 243.

¹⁷ Рябухина В. И. Светотени в образах уральских краеведов у писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка // Третьи Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2006. С. 171–177.

¹⁸ Цит. по: Боголюбов Е. А. Указ. соч. С. 367.